

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Воображение и опыт

Бондарь Олег Владимирович

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский факультет, Киев, Украина

E-mail: olegbondarb581@gmail.com

Понятие воображения имеет довольно древнюю родословную, однако наиболее эксплицитную категориальную развёрстку оно получило в немецкой классической философии. Согласно учению И. Канта, всякое познание есть суть опытное суждение, заключающееся в синтетической связи явлений. Основания же такой объективной связи, образующей объективное суждение опыта в отличии от субъективного суждения восприятия, не могут сами быть опытом, а должны предшествовать ему, создавая тем самым условия его возможности. Синтетический характер единства явлений возможен, следовательно, при условии наличия многообразия элементов представления; по отношению же к конституции опытного суждения данное многообразие должно представлять собою объективную необходимую связь, реализующуюся в последовательных актах познавательного синтеза, кои Кант именуется «репродукцией» и «рекогницией». Чувственная аппрегензия ухватывает явления эмпирически; однако чувственное представление явлений (созерцание) не может содержать в себе необходимости познавательного синтеза, ибо чувственность вообще действует не синтетически. Следовательно, в составе нашего познающего разума должна находиться способность, которая осуществляет этот необходимый синтез ещё до того, как предмет нашего ощущения станет предметом опыта. Эта способность, следовательно, с необходимостью обуславливает такой характер восприятия, при котором усвоение явлений осуществляется не случайным, а закономерным и объективным способом. Этот характер восприятия, согласно которому всякий предмет опыта вступает в его совокупный контекст одним и тем же общезначимым образом, должен иметь собственную причину не в созерцательных, а в трансцендентальных способностях интеллигенции. Коль скоро эти способности предшествуют схватыванию явления, если, далее, они обуславливают способ представления созерцаемых предметов (образование явления) в сознании, то они должны тем самым предшествовать сознанию, создавая условия его возможности. Коль скоро созерцательный синтез осуществляется всеобщим образом, то тем самым возникает в качестве объективной для нас природа, как всеобщая и необходимая связь явлений. Этот бессознательный синтез Кант назвал «воображением». «В этом смысле воображение есть способность а priori определять чувственность, и его синтез созерцаний сообразно категориям должен быть трансцендентальным синтезом способности воображения» [Кант И. 1964, с.205]

Кант, таким образом, обнаружил важную проблему. Способность воображения у него оказывается посредником между чувственностью и рассудком. Посредством трансцендентального временного схематизма категории возможно применять к явлениям. Но никакое чистое понятие (категория) не может иметь образного воплощения, ибо оно не есть чувственное созерцание и не происходит из него. Такими образами для чистых понятий являются, по Канту, схемы. Схема, будучи первичной по отношению к любому образу, есть условие превращения логического понятия в чувственно созерцаемый

образ, и наоборот. Схема, таким образом, есть чистая всеобщность, по отношению к которой каждый образ выступает в качестве её единичного воплощения. Однако каким образом знание всеобщего может иметь место ещё до всякого опыта, восприятия единичного? И если, по Канту, условия всякого чувственного восприятия лежат в трансцендентальном схематизме, то тем самым всякий образ оказывается воплощённой схемой. Однако схема и образ противоположны: схема интеллектуальна, образ созерцателен. Кант, как известно, расписался в собственном бессилии постичь «механизмы» работы воображения. Однако не вправе ли мы предположить, что понятию «трансцендентальной схемы», которая есть ни что иное, как схема деятельности воплощения, реализации понятия в любом созерцательном образе, на самом деле соответствует такой образ, который, оставаясь в собственном бытии единичным, способен актуально заключать в себе все возможные формы собственного бытия, выражая тем самым закон своего существования? Может ли единичное быть также всеобщим? Кант бы ответил на этот вопрос решительным «нет». Так, чувственный образ треугольника есть прямоугольный, тупоугольный и т.д. треугольник, однако образ треугольника не может воплотить любую форму треугольника, то есть стать «треугольником вообще».

Итак, по Канту, образ есть чувственное начало опыта, но он не есть его логическое начало. Подлинным началом опыта у Канта выступают чистые понятия. Всякое понятие подыскивает себе созерцательный предмет и применяется к нему посредством трансцендентального схематизма. Способностью, соединяющей понятия и созерцания, выступает у Канта сила воображения. Однако, понятия и созерцания оказываются у Канта столь различными, что объяснить конкретный характер их тождества он не может и объявляет его непознаваемым. Следовательно, проблема, поставленная Кантом, заключается в том, дабы отыскать, в чём заключается это тождество. Возможно ли, что образ и понятие (в кантовском смысле) обладают единством в чём-то третьем? И возможно ли такое третье, где чувственно созерцаемый предмет и его понятие были бы в прямом смысле одним и тем же? Может ли обладать реальностью самостоятельное, отделённое от образа, предметное бытие понятия? Или же основание их единства заключается в сведении одного к другому?

Фихте радикализирует учение Канта: сами понятия у него оказываются порождением воображения. Не существует проблемы применения понятий к чувственности, ибо не рассудок создаёт понятия. Все категории и понятия создаются посредством воображения, все объекты создаются посредством воображения, а потому понятия только и можно применять к объектам. Поскольку, по Фихте, сущность интеллигенции заключается в рефлексии, благодаря которой только и возможно самосознание, то, очевидно, объект самой рефлексии (а именно первоначальная деятельность интеллигенции) должен предшествовать сознанию, то есть быть бессознательным. В созерцании Я продукт деятельности Я (образ) должен казаться ему продуктом не-Я, а в рефлексии созерцания Я продукт Я есть воспроизводящая деятельность Я (т.е. деятельность репродуктивного воображения). Фихте, стало быть, доказывает, что не-Я есть продукт бессознательной работы силы воображения (способности, производящей представление). В бессознательном представлении не-Я заключается источник чувственного представления, а посредством рефлексии этого представления оно полагается как продукт интеллигенции. Реальность у Фихте оказывается лишь действием воображения («И наша чувственная действительность... доходит до нас не иначе, как через представление») [Фих-

те И. Г. 1993, с. 337] ; посредством рефлексии его продуктов интеллигенция становится сознанием. Шеллинг, который подверг учение Фихте резкой критике за игнорирование «реального начала» (природы), фактически отождествил воображение с разумом («... то, что обычно называют воображением, и есть такая деятельность, которая парит между конечностью и бесконечностью, или, что то же самое, опосредствует теоретическую и практическую сферы» [Шеллинг Ф. В. Й. 1987, с.425], однако и он не смог преодолеть дуализм конечного и бесконечного, понятия и идеи. Решением этой задачи вскоре займётся Г. Гегель.

Литература

1. Кант И. Соч. в 6 т. М.:Мысль, 1964, т.3
2. Фихте И.Г. Соч. в 2 т. СПб.:Мифрил, 1993, т.1
3. Шеллинг Ф.В.Й. Соч в 2 т. М.:Мысль, 1987, т.1